

УДК 94(44); 323

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-7-24

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Идейное наследие Шарля де Голля. II. Национальная парадигма

Часть 1. Понимание национальных реальностей

Аннотация. Кредо Ш. де Голля в национальном вопросе не сводилось к жертвенному патриотизму, провиденциально-романтическому образу Франции, ее независимости и особой международной роли («величию»). Национальные реальности были отрефлексированы основателем голлизма во многих аспектах. У него сложилось свое, характерное для его мышления, понимание национального начала в развитии европейской и мировой цивилизации, которое препарировало, корректировало, интегрировало различные доктрины, отсекая крайности, редукционизм, абсолютизацию. Будучи историческим деятелем, а не кабинетным теоретиком, первый президент Пятой республики не стремился оформить свои размышления в виде отдельной теории. Однако его системный подход к национальному измерению в рамках политической философии содержит немало важный теоретический посыл. В статье исследуются ключевые элементы «французской идеи» де Голля, его видение национальной истории, взгляды на становление французской нации и ее идентичность, на роль и будущее национально-государственных структур в целом.

Ключевые слова: Ч. 1. Ш. де Голль, голлизм, политическая философия де Голля, Франция, теории нации, национальная идея, понимание национальных реальностей, национализм, национальная идентичность, французская нация, французская идентичность, будущее наций и государств.

Феномен памяти о первом президенте Пятой республики в сегодняшней Франции, его сохраняющееся ментальное влияние, специфика его политической философии, о которых шла речь в предыдущей статье¹, побуждают к дальнейшему изучению и осмыслению не только исторической роли, но и концептуального наследия этого выдающегося деятеля. Стоит отметить, что при рассмотрении такой темы одновременно

---

1 Нарочницкая Е.А. Идейное наследие Шарля де Голля. I. Парадоксы восприятия, исторической памяти, политической философии // Перспективы. Электронный журнал. 2020–2021. N 4/1 (24/25). С.80–94. — URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/130/4_01_2021_10_80_94.pdf

---

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна — ведущий научный сотрудник Института Европы РАН; руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор сетевого научного журнала «Перспективы. Электронный журнал»; кандидат исторических наук; ye_naroch@inbox.ru.

востребованы оба взаимосвязанных, но разнородных и в основном применяемых раздельно системных контекста — реально-исторический и когнитивно-мировоззренческий. Причем второй — в данном случае центральный — применительно к Шарлю де Голлю исследован в несравненно меньшей степени, чем первый.

Его политическое кредо чаще всего отождествляется с несколькими ключевыми концептами, в том числе и едва ли не в первую очередь — с принципами национальной самостоятельности и международного влияния («величия») Франции. Приоритетность для основателя голлизма национальных ценностей, интересов и задач сама по себе неоспорима. Вместе с тем содержание его «французской идеи» выходит далеко за рамки абстракций национального суверенитета и великодержавности, а смысл последних в понимании де Голля вполне раскрывается лишь во взаимосвязи с другими аспектами его подхода к национальному началу и его общей (внешне)политической парадигмы.

Жертвенный патриотизм и не только

В центре пристрастий, интересов и стремлений создателя Пятой республики находилась Франция. Не случайно свои знаменитые «Военные мемуары» он начинает с изложения собственного представления о ней, а это представление — с ее романтического сравнения с принцессой и мадонной на средневековой фреске. Проникновенность этого образа, его метафизичность, в целом характерный для де Голля мотив персонификации родины не раз провоцировали язвительные комментарии обладателей иного склада ума. Английский публицист и парламентарий Чарльз Уильямс в известной российскому читателю биографии «последнего великого француза» назвал начальный фрагмент «Военных мемуаров» «удивительно детским», а о деголлевском отношении к своей стране и ее истории отозвался так: «Для американцев и в меньшей степени для британцев все это являлось мистикой, доведенной до абсурда...» [Уильямс, с. 411, 418]. К «экзальтации», характерной для французской католической среды начала XX в., сводит деголлевское «представление о Франции», например, и нынешний глава комитета Национального собрания по международным делам Жан-Луи Бурланж [Bourlanges].

Для де Голля же эмоционально-метафизическая сторона национального сознания имела принципиальное значение — наряду с измерением рациональным. Более того, их соединение, судя по всему, было им тщательно отрефлектировано и поднято на щит вполне сознательно. В первых же строках «Военных мемуаров» он специально оговаривает, что его *idée de la France* имеет двойственное основание: эмоционально-образное и рациональное.

Большинству его соотечественников это было глубоко созвучно. И сегодня, вспоминая де Голля, во Франции порой с солидарностью цитируют слова создателя школы «Анналов» Марка Блока, написанные в 1940 г.: «Есть две категории французов, которым никогда не понять историю Франции: те, кого не охватывает дрожь при воспоминании о короновании в Реймсе, и те, кто без волнения читает рассказ о празднике Федерации (первой годовщины взятия Бастилии. — Е.Н.)» [см. напр.: Passerieux].

Ощущение связи со страной на эмоционально-духовном уровне, выражающееся в ее персонифицированном образе, предстает у де Голля одной из конституирующих основ национальной общности. А это — вполне рациональная констатация роли сознания, включая его внерациональные аспекты, в общественных конфигурациях. Этот фактор занимает центральное положение во многих философских и социологических разработках национальной темы. «Сообществом, основанным на чувстве» и стремящимся к воплощению в государственной форме, называл нацию Макс Вебер (с которым у де Голля было немало и других идейных точек соприкосновения). В духе близкой логики член Французской академии, историк и писатель Макс Галло на рубеже XXI в. напоминал, что «нация не существует и не выживает, если ее не любят»¹.

Будучи еще 23-летним лейтенантом, де Голль в одной из своих первых лекций перед солдатами назвал патриотизм «самым бескорыстным и благородным чувством», добавив: «Я думаю, что никакая другая человеческая любовь не вдохновляется такой самоотверженностью» [Арзаканян, с. 21]. В этом суждении явно выразилось осознание его собственного отношения к отечеству — отношения, которое оставалось ему присуще до конца жизни. «Как и Вы, я поклоняюсь лишь Богу и, как и Вы, сильнее всего люблю Францию», — отмечал де Голль уже на склоне лет в одном из писем [цит. по: Gaulle, Guaino, p. 39]. Интересы Франции были «неотделимы» от его «собственного существования» [Голль Мемуары надежд, с. 245–246] не только в его мемуарах, но и в действительности.

Силу и искренность деголлевского патриотизма не ставили под сомнение даже противники. «Невозможно любить Францию больше, чем любил ее он», — признал после кончины первого главы Пятой республики его ярый в ту пору оппонент Франсуа Миттеран [D'un président à l'autre...]. В том, что главным мотивом деятельности самого прославленного француза XX в. были не личные амбиции, а служение родине, сходятся разные аналитики, включая тех, кто критически оценивает многие аспекты его политики — как, например, Ч. Уильямс².

«Полный решимости восстановить национальную независимость страны с учётом качественно новых реальностей середины XX в., — пишет о де Голле Ю.И. Рубинский, — он был готов, в случае необходимости, идти на острые конфликты со своей социальной средой, союзниками за рубежом, наконец, переступить через многие собственные чувства и убеждения» [Рубинский, с. 359]. А М. Галло в своих известных биографиях

1 Gallo M. L'amour de la France expliqué à mon fils. P. 1998.

2 Один из таких критиков, Ч. Уильямс, пишет, не совсем точно формулируя, об основных принципах де Голля: «Первое — это абсолютное верховенство, выше любых политических императивов, интересов Франции. Здесь не могло быть компромиссов, никакого отхода от принципа с учетом временных настроений или личных амбиций...» [Уильямс, с. 414]. На самом деле де Голль многократно шел на допустимые, с его точки зрения, компромиссы с учетом обстоятельств, а наивысшим политическим императивом, выше интересов государства, для него было народное волеизъявление, что он сам разъяснял и доказал в 1969 г.

выдающихся личностей противопоставил «звездному индивидуализму» Наполеона «жертвенность деголлевского патриотизма»¹.

Уже первые шаги де Голля на политическом поприще в июне 1940 г. — его одинокий бунт против капитулянтской линии правительства, за который он был приговорен вишистским трибуналом к смертной казни — показали и эту жертвенность, и другие черты его национального мировоззрения. Стоит обратить внимание на триаду, к которой де Голль несколько раз апеллирует в историческом воззвании 22 июня: «честь, здравый смысл, высшие интересы Отечества»². Три этих понятия отсылают к трем ключевым измерениям в его политическом мышлении: морально-ценностному, реалистическому, национальному — и одновременно к особенностям его национальной идеи. Аффективный идеализм переплетался в ней с моральными императивами и трезвой рациональностью, свойственной де Голлю в неменьшей степени, чем идеалы.

Национальная идея

Кредо де Голля в национальном вопросе не ограничивалось патриотизмом и «мистически-провиденциальным» образом Франции. Как будет показано далее, национальный принцип был им рационально осмыслен в эмпирическом ракурсе, отчасти концептуализирован и, более того, встроен в его политические проекты в качестве одной из несущих опор. Наследник французской национально-ориентированной (и/или националистической) мысли, де Голль представлял и развивал свою версию национализма — национализма не в обыденном понимании термина (шовинизм, национальный эгоцентризм, самозамыкание на национальной теме и т.п.), а в том базовом нейтральном значении, хорошо известном в философии и политологии, в котором «национализм» обозначает те или иные императивы, исходящие из признания ценности национальных структур.

Однако, учитывая высокую амбивалентность категории «национализм» и отрицательную нагруженность ее массово распространенных смыслов — к де Голлю малоприменимых, — отнесение голлизма и его основателя к национализму без многочисленных оговорок рискует скорее дезориентировать. Сам де Голль не ассоциировал себя с этим термином, в отличие от многих идеологов и адептов национализма. По воспоминаниям его военного сподвижника, писателя Ромена Гари, он подчеркнуто разделял «патриотизм — любовь к своим» и «национализм — ненависть к чужим». К тому же национальное измерение не было единственной — заслоняющей все остальное — доминантой его политического мировоззрения, гораздо более широкого. По всем этим соображениям нами используется в данном случае нейтральное понятие «национальная идея».

Не приходится сомневаться, что де Голлю, с его исключительной для политика и военного эрудицией, была так или иначе известна палитра национальных доктрин, получивших развитие во Франции и остальной Европе начиная с XVIII в. В первом

1 Chevènement J.-P. Max Gallo, la fierté d'être français. — URL: fondation-res-publica.org/Max-Gallo-la-fierté-d-etre-francais_a1067.html (date of access: 15.09.2021)

2 Gaulle Ch. de. Appel prononcé à la radio de Londres 22 juin 1940 // Digithèque de matériaux juridiques et politiques. — URL: mjp.univ-perp.fr/textes/degaulle22061940.htm (date of access: 15.06.2021).

ряду историков и философов, чьи труды он прочел еще в годы учения, называют Жюля Мишле, Эрнеста Ренана, Ньюма Дени Фюстель де Куланжа, а все они, в разном ключе, уделяли особое внимание концептуализации национального вопроса. Кроме того, будущий глава государства с юности интересовался философией и углубленно изучал не только французскую, но и немецкую философскую (не говоря уже о военной) мысль.

Его формирование начиналось в атмосфере патриотического подъема и националистических эксцессов рубежа XIX–XX вв., ощущения надвигавшейся большой войны, страстных споров, порожденных делом Дрейфуса. В консервативно-католической среде, к которой принадлежали родители де Голля, многим импонировал монархический традиционализм Ш. Морраса, известного идеолога «интегрального национализма». В глазах левых и либералов такие семейные корни уже были основанием для настороженного, если не враждебного отношения. «Известно, откуда пришел генерал, известно, что его мать видела в Леоне Блюме что-то вроде антихриста... Однако...», — эти строки современного биографа де Голля Эрика Русселя, близкого к левой среде [Roussel, p. 75], говорят сами за себя, напоминая о сохраняющейся инерции взаимной нетерпимости идейных лагерей во французском обществе.

Отдельные аналитики вновь и вновь с пристрастием искали у основателя Пятой республики следы интереса и восприимчивости к моррасизму. Но, как бы ни обстояло дело с интересом, известно, что тот никогда не разделял ни идеи реставрации старых порядков, ни антисемитизм лидера «Аксьон Франсэз». В целом же фундаментальная разница между моррасизмом и голлизмом как нельзя рельефнее проявилась в историческом расколе и противостоянии между режимом Виши, который получил поддержку Морраса, и созданной де Голлем «Свободной Францией».

Впрочем, намного чаще де Голля ассоциировали с Морисом Барресом — эмблематичной фигурой не монархического, а право-республиканского национально-патриотического нарратива последней трети XIX — первой четверти XX в. Начав с воспевания свободы личности, Баррес бичевал парламентский режим Третьей республики и пренебрежение к культурно-историческим корням — «почве». С «эмоциональным» национализмом барресовского типа отождествляли де Голля авторы уже давних известных исследований голлизма Жан Тушар и Жан-Кристиан Петифис, не вдаваясь, впрочем, в разбор оснований для этого [Touchard, pp. 305, 313; Petitfils, p. 42]. Стереотип закрепился, хотя де Голль, как показало позже изучение его писем и дневников, ценил в Барресе литературный талант и «страстность мысли», но и только. Вопрос об идейных параллелях между ними выглядит неоднозначно и современными исследователями решается весьма по-разному, в зависимости от их собственного прочтения наследия обоих¹.

---

1 К примеру, у таких биографов де Голля, как Эрик Руссель и Жерар Барди, и сам «барресовский национализм» и степень близости к нему деголлевской концепции предстают в весьма разном свете [Roussel; Bardy].

Установленным фактом, подтвержденным самим де Голлем, можно считать идейное влияние на него поэта и публициста-мыслителя начала XX в. Шарля Пеги. В юности социалист-атеист, затем невоцерковленный католик, Пеги внес в размышления о судьбах Франции нетривиальные трактовки левых и правых ценностей, свободы и ответственности, патриотической героики и самокритики, переосмысления векторов прогресса и ренессанса христианских истоков французской идентичности.

Но каковы бы ни были интеллектуальные источники и степень их воздействия — в целом источников было множество, и это отдельная обширная тема, — у де Голля сложилось свое видение национального начала, весьма характерное для его мышления в целом. Не выходя за совокупные пределы существующих теоретических направлений, оно по-своему интегрировало, препарировало, корректировало их элементы, отклоняя редуционизм, крайности, абсолютизацию. Не склонный к отвлеченному теоретизированию и сторонившийся доктринерства, де Голль не стремился формулировать собственную теорию нации, однако его подход к национальному измерению в рамках политической философии, безусловно, содержит теоретический посыл.

Национально-историческое сознание

В специфически французском контексте особое значение имело то, что де Голль принимал прошлое и идентичность страны в их исторической полноте и многоаспектности — в противовес двум мощным идейным традициям, глубоко и надолго расколовшим французов: правой, почвенно-национальной, изначально роялистско-католической, отрицавшей наследие Революции 1789 г., с одной стороны, и левой, антирелигиозно-республиканской, отождествлявшей Францию с Республикой и привнесенными ею ценностями — с другой. Преодоление антагонизма двух этих концепций оказалось во Франции чрезвычайно долгим и трудным процессом, окончательно так и не состоявшимся. К идеологам такого преодоления относились вышеупомянутые Ш. Пеги и (по крайней мере, поздний) М. Баррес, видевшие во французской нации надыдеологическую общность, охватывающую все без исключения течения и особенно востребованную в ситуациях крупных исторических вызовов. Этой теме была посвящена, в частности, одна из последних книг М. Барреса — «Различные идейные направления Франции» (*Les Diverses familles spirituelles de la France*. P. 1917), которую считают политическим завещанием автора.

Де Голль воспринял и с самого начала своей политической деятельности продвигал этот объединяющий подход. В годы Второй мировой войны он противопоставил его в качестве единственной конструктивной антитезы петеновскому национализму, который дегенерировал в коллаборационизм и национальное фиаско не столько из-за отсутствия воли к борьбе с внешней агрессией, парализовавшего леволиберальную часть Франции, сколько на идеологической правоконсервативной почве.

Конкретные различия в национально-историческом нарративе Петена и де Голля подробно прослежены в компаративном исследовании британского историка

К. Флуда. Речи главы «Свободной Франции» не случайно кардинально отличались от дискурса Виши ссылками на персонажей «как дореволюционной, так и послереволюционной истории» — такая выборка была призвана показать «сущность французской нации как единой общности, создающей и воспроизводящей себя в веках» [Flood, p. 108].

Объединяющая парадигма национального сознания стала одним из идейных стержней голлизма. Во многом благодаря этому в Пятой республике и удалось достичь относительного внутреннего консенсуса и стабильного функционирования политической системы. По меткому замечанию оксфордского профессора С. Хазаресингха, «де Голль республиканизировал правых и национализировал левых»¹ [Hazareesingh]. Впрочем, эта эффектная формула верна лишь с оговорками и для сравнительно недолгого этапа.

Правый республиканизм и осмысление национального прошлого в его цельности, разумеется, существовали во Франции задолго до голлизма, но именно голлизм осуществил их безусловную акцептацию в правой политической культуре. «Национализация левых» же оказалась более поверхностной и непрочной. В левой культуре еще с XIX в. преобладали умонастроения, которые Ж.-П. Шевенман, долго входивший в элиту соцпартии, назвал «глубочайшей враждебностью к национальной идее и всему, что ее напоминает» [Chevènement, Fourier]. И в преддверии XXI в., на волне глобалистских и постмодернистских веяний, подавляющее большинство французских левых вместе с либеральным центром с готовностью отправили национальную парадигму в архив истории.

Все это зримо проявилось в провальной дискуссии о французской идентичности, инициированной в 2009 г. министром иммиграции и интеграции Эриком Бессоном при поддержке президента Николя Саркози. Левые тогда либо бойкотировали теледебаты, либо заявляли, что у Франции нет иной идентичности, кроме ценностей свободы-равенства-братства, прав человека и демократии, и сама постановка вопроса о культурно-исторических и прочих ее компонентах является позором. В последние три десятилетия раскол по этой линии, который так стремился преодолеть де Голль, вновь усиливается, а процессы иммиграции, европейской интеграции и прессинг новых мировоззренческих догм придают ему новые аспекты и особую остроту.

Национальный генезис и идентичность

В более общем теоретическом контексте деголлевское видение расходилось со стереотипными классическими моделями нации с их редукционизмом, эксклюзивными противопоставлениями или застывшими иерархиями отдельных факторов: приматом либо гражданско-политических, либо этнокультурных составляющих. Франция (о ко-

---

1 Цит. по: Graz D. Sudhir Hazareesingh, Le mythe gaullien // lelitteraire.com. 29.10.2012. — URL: lelitteraire.com/?p=3788 (date of access: 26.10.2021).

торой де Голль писал и говорил больше всего) была для него единством и тех, и других аспектов. «Франция как государство и как нация», «Франция как цивилизация и как государство» — подобные подчеркнута двуединые формулы не раз встречаются в его выступлениях и текстах.

Не вписывались его взгляды и в общую матрицу леволиберальной и марксистской парадигмы (ее последними общеизвестными представителями были Э. Геллнер и Э. Хобсбаум), рисующей нации сравнительно недавним продуктом эпохи модерна, или индустриального капитализма, что не мешало де Голлю признавать роль политических, социальных и экономических процессов Нового времени в национальной консолидации. Если же взглянуть через призму деголлевской логики на современные конструктивистские теории нации, то очевидно, что, каким бы правомерным ни казался или ни был сам по себе анализ механизмов формирования («конструирования») национального сознания, редукционизм конструктивистов, их самозамыкание на ментальных реальностях как «конструктах» и подведение на этой узкой основе к «искусственности» и деконструируемости «воображаемых» национальных общностей могли бы вызвать у де Голля лишь глубокий скепсис.

Его разрозненные замечания о разных странах и народах подводят к иной парадигме, исходящей из идеи многомерности и многовариантности национального генезиса и развития в темпоральном и иных планах [см.: Нарочницкая Национализм: история...]. Национальная общность в этом ракурсе складывается из подвижного взаимодействия всевозможных факторов, роль которых меняется во времени: культурно-цивилизационных, гражданско-политических, экономических, этнических, геоприродных и — на самом глубинном уровне — антропологических, прежде всего общеантропологических, проистекающих из духовной природы человека и его потребностей.

Национальная общность не извечна, но существует в исторической протяженности и не сводится к сумме составляющих ее в каждый данный момент индивидов, охватывая предшествующие и будущие поколения, так же как государство не сводимо к сменяющимся в нем режимам власти. Это цепь поколений одного народа — акцент здесь сделан не на прошлом, как у идеологов почвенного национализма, не на настоящем, как у адептов «гражданской нации» (по Э. Ренану, «нация есть ежедневный плебисцит»), не на будущем, не зависящем от прошлого или даже его отвергающем, как у идеологов постнациональности (и трансцивилизации), а в равной мере на прошлом, настоящем и будущем.

В качестве иллюстрации можно привести известный отрывок из деголлевских «Мемуаров надежды», в который имеет смысл вчитаться заново, имея в виду, что при кажущейся банальности каждая фраза здесь относится к тому или иному дискуссионному (для теоретиков и идеологов) аспекту национального феномена: «Франция возникла из глубины веков. Она существует [в оригинале «живет»]. Ее зовут грядущие столетия. Но всегда, во все времена, Франция оставалась сама собой. Границы Франции могли

меняться, однако оставались неизменными ее рельеф, климат, реки и моря, наложившие на нее особый отпечаток. Ее населяли народы, которые сталкивались на протяжении истории с самыми разнообразными испытаниями, но природа вещей, используемая в политике, беспрестанно создавала из них единую нацию. Нация эта существует уже на протяжении многих поколений. И сейчас она состоит из нескольких поколений и породит еще много новых. Но благодаря присущим стране географическим особенностям, благодаря гению населяющих ее рас, благодаря окружающим ее соседям эта нация обрела свойственный ей определенный характер, который заставляет французов в любую эпоху зависеть от своих отцов и нести ответственность за своих потомков. И пока оно не распалось, это единство людей обладает, следовательно, на этой территории, в рамках этого мира своим прошлым, своим настоящим, своим будущим, составляющим неразрывное целое...» [Голль Мемуары надежд, с. 9]. В этом эскизе есть образ Франции как живой коллективной реальности, но он далек от органистического подхода, уподобляющего социальные структуры биологическому организму с заданными функциями отдельных частей. Отсутствует в нем и метафизичность, он прежде всего эмпиричен, историчен, рационален.

Возникновение французской нации де Голль связывал не с ее провозглашением в ходе Революции 1789 г., как это делали французские левые, и не с эпохой модерна, капитализма, Вестфальской системы, как утверждала возобладавшая с середины XX в. модернистская школа западной социологии (передавшая затем эстафету конгломерату инструментализма, конструктивизма, концепций «воображаемых сообществ» и постнационального мультикультурализма). Рождение Франции, как и многих других наций, де Голль относил к гораздо более давнему и более протяженному периоду. Притом ему представлялось очевидным, что датировать этот процесс однозначно и односложно невозможно в принципе.

Некоторых озадачивало, что, упоминая в разных контекстах о длительности французской истории, де Голль называл то 20, то 15, то 10 веков. Его доверенный собеседник, пресс-секретарь, затем министр информации Ален Пейрефит вспоминает, что когда он спросил президента, почему так, тот ответил «с обезоруживающей ясностью», как отвечают на «глупый вопрос» о само собой разумеющемся: «20 веков — это Верцингеторикс [предводитель галлов в Галльской войне против Рима. — Е.Н.]: он был первым лицом сопротивления нашей расы. 15 веков — это Кловис [Хлодвиг I]: поженив романскую Галлию с христианством, этот король франков действительно создал Францию. 10 веков — это Гуго Капет: он основал династию, которая расширила первоначальную территорию до ее шестиугольных очертаний» [Peyrefitte V. III, p. 623–624].

В этой поливалентной характеристике возраста Франции отразился стоящий за ней в качестве логической посылки концептуальный тезис: процесс национального генезиса многогранен, и даже основные его измерения (в данном случае этнические, культурно-религиозные, политико-территориальные) закономерным образом имеют разные временные параметры.

Обращают на себя внимание и упоминаемые А. Мальро слова де Голля о Наполеоне: «крайне важно то, что он сделал из французов» [Malraux André Malraux parle...]. Расшифровать их смысл, зная французскую историю, нетрудно. Наполеон осуществил синтез «возникшей из глубины веков» монархической Франции с принципами, привнесенными Революцией 1789 г., соединил две Франции — «правую» и «левую» — и тем самым «сделал» современную французскую идентичность. Возможны, наверное, и другие толкования, но, учитывая фундаментальное значение, которое де Голль придавал преодолению односторонности и антагонизма правой и левой идеологии, именно это приходит на ум в первую очередь. С точки зрения же национальной теории, такая оценка Наполеона говорит, что де Голль видел в национальной идентичности феномен одновременно преемственный и динамичный, способный обретать в ходе истории новые конституирующие элементы (в данном случае идейные) — при условии их слияния с определенными старыми.

В контексте беспрецедентно усилившихся во Франции противоречий вокруг иммиграции, ислама, социетальных инноваций, в целом векторов цивилизационного развития страны и Европы крайне чувствительным сюжетом (полутабуированным в публичном дискурсе) являются взгляды де Голля на культурно-религиозные, этнические и другие исторические составляющие французской идентичности.

В своей известной книге «Таким был де Голль» (“C’était de Gaulle”) А. Пейрефит приводит слова, сказанные ему президентом в 1959 г. в связи с дилеммой статуса Алжира и перспективами массовой иммиграции: «Замечательно, что есть желтые французы, черные французы, коричневые французы. Они показывают, что Франция открыта для всех рас, что она имеет всемирное призвание. При условии, что они остаются незначительным меньшинством. Иначе Франция больше не будет Францией. Все же мы прежде всего — европейский народ белой расы, греческой и латинской культуры и христианской религии» [Peyrefitte. Т. 1].

Когда в 2015 г. евродепутат от партии «Республиканцев» Надин Морано процитировала последнюю фразу в телеэфире, на нее это навлекло громы и молнии. А некоторые из почитателей де Голля даже выразили сомнение в «репрезентативности» свидетельства Пейрефита. Однако упоминания о расовой и цивилизационной принадлежности как французов, так и других народов есть и в опубликованных текстах самого основателя Пятой республики, включая его «Мемуары надежды». Для него это были констатации реальностей, формировавшихся в процессе непрерывной человеческой истории, уходящей вглубь тысячелетий.

Усматривать в этих констатациях «расизм» можно лишь в логике тотальной ревизии этого понятия, на почве которого вырос новый левый экстремизм, выступающий с позиций «воукизма» (*woke*), «культуры отмены» (*cancel culture*) и «расиализма». Летом 2020 г., в разгар «войны с монументами», перекинувшейся из США в Европу, осквернения радикалами не избежали и несколько памятников де Голлю. А еще раньше в леворадикальной блогосфере появились подборки собранных из разных воспоминаний эпизодов, где Генерал в приватном общении, по конкретным поводам, употреблял

эмоционально-пейоративное словцо, оценку или интонацию в адрес представителей той или иной расовой, этнической или религиозной группы. Излишне говорить, что выводить отсюда «расизм» несерьезно.

На самом деле к базовым аксиомам политической философии де Голля принадлежали универсальность естественных прав, «единство рода человеческого» и даже общность главных императивов развития в современную эпоху [см. Нарочницкая Политическая философия...]. Расизм — в общепризнанном понимании (как о нем говорилось, к примеру, в Декларации о расе и расовых предрассудках ЮНЕСКО 1978 г.), то есть идеология биологического неравенства рас, решающей значимости расовых признаков, расовой дискриминации — его мировоззрению был несомненно чужд.

Здесь нет возможности останавливаться на пересмотре концепта расы на современном Западе, который отчасти опирался на развитие естественно-научных представлений о биологии человека и его популяциях. Но важно отметить, что отказ от понятия расы, точнее, его трактовка как чисто социокультурной и дискриминационной по своей сути категории сопровождается все более расширительной реинтерпретацией расизма и все более явной инструментализацией темы. В рамках этого тренда Национальное собрание в 2018 г. проголосовало за изъятие слова «раса» (с заменой его словом «пол») из Статьи 1 Конституции Франции о равенстве перед законом всех граждан «без различия происхождения, расы или религии».

Однако это лишь одна грань гораздо более масштабной социокультурной и идеологической революции, которая уже никак не связана с развитием естественно-научных антропологических знаний. В последние десятилетия в публичном пространстве стран ЕС, в соответствии с философией Евросоюза, не приветствуются упоминания не только о нациях с их этническими корнями, но и о культурно-исторических, тем более религиозных основах европейской цивилизации. Во Франции с некоторых пор «прогрессисты» отвергают любые «идентитарные» концепции, заведомо причисляя их к «пассеизму» («прошлоизму»), как на французском «новоязе» теперь именуют анахроничность. Острая реакция на выступление Н. Морано, процитировавшей де Голля, — одно из проявлений системных табу не только и не столько на понятие расы, сколько на обсуждение тематики нации, цивилизации и христианства.

Антропологические, или популяционные («европейский народ»), компоненты нации, хотя и имели определенное значение для де Голля, находились в его национальной парадигме далеко не на первом плане по сравнению с культурными, социальными и политическими, а мотивы «общности крови» у него вовсе отсутствовали. Вспомним — в приведенном выше фрагменте «Мемуаров надежды» акцент сделан, напротив, на этнически разнородном происхождении французов: «Ее [Францию] населяли народы...».

А вот христианским истокам французской (и европейской) идентичности де Голль придавал фундаментальное значение. Правда, в статусе главы государства он избегал касаться этой темы перед внутренней аудиторией — видимо, чтобы не разжигать

ни антагонизм между прокатолической и атеистической частями общества, ни споры о понимании принципа светскости. Но известны его слова американскому журналисту Д. Шёнбруну (1959): «Моя страна — христианская, и я начинаю отсчитывать историю Франции с воцарения христианского короля, носящего франкское имя» [Schoenbrun, p. 40]. А встречаясь 27 июня 1959 г. в Ватикане с папой Иоанном XXIII, первый президент Пятой республики изложил свою позицию так: «Мы несем ответственность за то, чтобы Франция играла свою роль; эта роль, в моем представлении, как и в Вашем, сливается с христианской ролью. Наша страна не была бы тем, чем она является, если бы она не была — почти банально говорить это — прежде всего католической страной»¹.

Особый акцент на религиозном измерении определялся не только тем, что де Голль был практикующим и, судя по всему, глубоко верующим католиком (хотя его отношения с церковью складывались непросто, а его веру кое-кто подвергал сомнению), но в первую очередь его пониманием исторического процесса. Де Голль исходил из огромной роли христианства в истории Европы и в том числе Франции, которую веками именовали «старшей дочерью католической церкви». Христианская концепция мироздания, существа человека и его истории в огромной степени предопределила код и векторы европейской, в частности французской, цивилизации. Даже совершившаяся здесь в Новое время секуляризация означала не столько смену цивилизационной парадигмы, сколько ее перевод в секулярный формат. Де Голль явно разделял данную точку зрения, которая и сегодня имеет немало сторонников, независимо от их личной религиозности, и согласуется с самоидентификацией большинства французов (включая многих агностиков и атеистов), считающих себя католиками в культурном плане. «Республика — светская, Франция — христианская», — эти деголлевские слова, процитированные историком Э. Пуля², получили широкое хождение в социальных сетях и стали крылатой фразой.

Придавая капитальное значение христианскому фундаменту французской идентичности, де Голль был далек от того, чтобы считать его самодостаточной доминантой и императивом к социальному иммобилизму. К неотъемлемым истокам культурно-духовных, ментальных особенностей Франции (и Европы) он относил и античное наследие, и более поздние явления.

Показательна его тирада (1950 г.) о «трех огнях, которые все вместе некоторым образом создали французскую нацию»: «Есть то, что я назвал бы социальным пламенем. Пламя тех, кто не хочет социальной несправедливости, кто стремится, чтобы каждый француз обрел во Франции свое место, получил свою долю, чтобы было обеспечено человеческое достоинство. Это пламя — наше. Есть пламя собственно христианское, которое в сущности имеет тот же источник, что и первое... это христианское пламя в его гуманистическом, моральном содержании, — наше. Наконец, есть пламя традиции... Нельзя строить Фран-

1 Цит. по: De Gaulle, «Une certaine idée de la France» // France Histoire Esperance. — URL: france-histoire-esperance.com/de-gaulle-certaine-idee-de-france/ (date of access: 05.11.2021).

2 Émile Poulat, Notre laïcité publique. P. 2003, p. 15.

цию, ежедневно отрицая прошлое. ...Мы пришли из далекого прошлого и, как говорил Жорес — я не боюсь его процитировать [«правый» де Голль ссылается на знаменитого лидера социалистов Жана Жореса, пацифиста, застреленного в канун Первой мировой войны. — Е.Н.], — мы идем к морю; мы — река, текущая к морю, но, двигаясь к нему, мы претендуем на верность нашим истокам» [цит. по: Gaulle Guaino, p. 80]. Здесь отчетливо видно столь характерное для деголлевского кредо слияние преемственности и исторического динамизма в понимании национальной сущности.

Роль и будущее национальных структур

Строго говоря, де Голль не возводил нации в абсолют и никогда не называл их данностями, полученными от Бога, природы или в силу аксиоматических законов бытия. Аналогичное по сути наблюдение излагает Ролан Юро: по его словам, абсурдно «делать из де Голля националиста» на том основании, что «он ставил... на постоянство национального фактора. ...Вера в нацию была у генерала прогнозом и фиксацией эмпирической реальности, тогда как у националистов она носит метафизический характер» [Hureaux, p. 21].

Подмечено также, что само понятие «нация» с его производными де Голль использовал намного реже, чем слова «Франция» (и названия других конкретных стран и народов), «народ», «государство», «отечество». «Таким образом, у него нет абстрактной теории нации, — резюмировал в этой связи М. Казнав, — но есть вдумчивое внимание к конкретным неповторимым нациям, на основании общих черт которых можно прийти к тому, что есть нация в принципе» [Cazenave, p. 8].

Хотя де Голль не формулировал этого прямо, именно нации и государства предстают в его картине мироздания ключевыми долговременными форматами цивилизационного и политического развития. При этом он не игнорировал роль империй, местных коллективов, нетерриториальных групповых солидарностей или геочивилизационные деления. Напротив, идеи принадлежности Франции к европейской/христианской цивилизации, а в XX в. — также к «свободному миру»/Западу в противоположность коммунистическому Востоку; императив консолидации Европы, прежде всего «малой», но также и «большой»; неизбежность нового возвышения Азии как макрорегиона с цивилизационным свое- и многообразием — все это выражено у де Голля совершенно отчетливо. Капитальное значение он придавал грядущему пробуждению мусульманского ареала как такового, предвидя и подъем политического ислама, и пассионарность исламского проекта, и его экспансивный потенциал, причем первое задокументированное свидетельство его размышлений на эту тему относится еще к маю 1940 г.¹¹

11 25 мая 1940 г., в разгар гитлеровского наступления, на вопрос полкового капеллана, как он оценивает ситуацию, де Голль неожиданно произнес: «Будущее, будущее ...эта война — лишь эпизод в столкновении народов и цивилизаций. Это продлится долго... И когда дойдет до столкновения с Китаем, этим огромным народом, кем будем мы и что мы станем делать?... Но самая большая и непосредственная опасность может возникнуть со стороны мусульманского ареала, простирающегося от Танжера до Индии...» (Цит. по: Ferro, p. 56.)

А в 1956 г. А. Мальро в составленной по поручению генерала записке подчеркивал, что «неистовое продвижение исламизма» неизбежно и что оно будет «крупнейшим феноменом нашей эпохи» «сродни становлению коммунизма во времена Ленина» [Malraux Note sur l'Islam].

Однако именно национально-государственные образования де Голль считал наиболее устойчивыми и перспективными коллективными субъектами и форматами развития. Тем или иным образом, раньше или позже, нации и представляющие их государства складываются на протяжении веков, меняются, «оставаясь собой». Они могут переживать упадок и возрождение, но отнюдь не обречены, да и просто не способны, полагал де Голль, исчезнуть в обозримом будущем — в отличие от постулирующих это исчезновение идеологий.

«В непрерывном движении мира, — писал он в «Военных мемуарах», — все доктрины, все школы, все революции преходящи. Коммунизм пройдет. Но Франция останется» [Gaulle Mémoires de guerre, T.1, p. 228]. Сходным образом он видел в СССР не только коммунистический режим, но и, в первую очередь, Россию, «загадочную, более сильную и более прочную, чем все теории и все режимы» [Gaulle Mémoires de guerre, T. 3, p. 61]; в маоистской КНР — одну из форм пятитысячелетнего Китая, с его конфуцианским, имперским и прочим наследием.

Любая доктрина, подчеркивал де Голль, несостоятельна, если она не учитывает национальных, страновых особенностей и требований времени. Например, в своей программной речи в Байё о конституционном устройстве в июне 1946 г. он привел ответ древнегреческого мудреца Солон на вопрос, какая конституция наилучшая: «Скажите сначала, для какого народа она предназначена и для какой эпохи?» [цит. по: Арзакарян, с. 118].

Вокруг идеи национального государства — сильного, легитимного и демократического — строилась вся деголлевская концепция политического устройства, причем и легитимность, и демократичность, и сила увязывались с национальным принципом [см.: Alibert-Fabre]. Государство — «легитимное, поскольку оно зиждилось[ется] на интересах и чувствах нации», — так определялся один из критериев легитимности в программной речи 1946 г. в Байё [Gaulle Discours et messages, V. II, p. 7]. Тот же тезис повторен и дополнен предостережением будущим лидерам в последнем деголлевском произведении: «...государство, которое несет ответственность за Францию, должно проявлять заботу одновременно о наследии прошлого, о ее сегодняшних интересах и о ее надеждах на будущее. Это жизненно важная необходимость, и в случае опасности общество рано или поздно осознает ее. Поэтому законность власти основывается на тех чувствах, которые она вдохновляет, на ее способности обеспечить национальное единство и преемственность, когда родина в опасности» [Голль Мемуары надежд, с. 9].

В отрыве от национального формата для де Голля была немыслима демократия, отождествляемая им с коллективным суверенитетом народа и с разделением властей, а не

с представительством групп интересов и многопартийностью. Народный суверенитет же он признавал наивысшим политическим императивом. При всем своем этатизме, авторитарности и монархическом стиле, де Голль — в отличие как от Наполеона III, которому его любят уподоблять, так и от многих либералов и левых демократов — реально признавал верховенство народного волеизъявления, что подтвердил, добровольно покинув президентский пост после отклонения своего проекта на референдуме 1969 г., поскольку в его глазах это был «вотум недоверия». Именно из демократического принципа народного суверенитета он выводил императив суверенитета национального, самостоятельности по отношению к внешнему миру: «Демократия для меня сливается с национальным суверенитетом...» [цит. по: Alibert-Fabre, p. 702].

В этом де Голль следовал концепции демократии (и нации), родившейся в русле левой мысли, сформулированной Жан-Жаком Руссо и провозглашенной в ходе Революции 1789 г. В американской (и американизированной) политологии ее часто именуют якобинской и специфически французской, но сам тезис о проблематичности демократии без опоры на национальные структуры (политические, культурные, ментальные) разделялся и разделяется многими теоретиками и экспертами далеко не только во Франции. Аргументы этого плана широко присутствуют в критике «демократического дефицита» институциональной системы Евросоюза.

С национальной идеей были тесно увязаны и социальная концепция де Голля, его убеждение в важности поиска «третьего пути» между капитализмом и социализмом, конвергенции их лучших элементов. Именно нация, объединенная историческим прошлым, самосознанием и культурно-эмоциональными узами, рассматривалась им в качестве той групповой общности, в рамках которой возможно выстраивание экономических отношений, основанных как на интересе, так и на солидарности, как на рыночном обмене, так и на перераспределении.

Другая важная роль национального начала связывалась де Голлем с культурным измерением исторического развития. Для него было очевидно, что высокая культура — а она, заметим, составляла в его глазах бесценное неотъемлемое достояние европейской и мировой цивилизации — повсюду выросла на почве мощных национально-духовных традиций. «Шатобриан, Гете, Байрон, Толстой... — все они остаются великими писателями Европы потому, что каждый из них вдохновлялся гением своей страны», — этот аргумент, с небольшими вариациями, первый президент Пятой республики неоднократно выдвигал против проектов наднациональной Европы [Noel, p. 120]. В понимании этой грани национального феномена у него, разумеется, были яркие предшественники во французской интеллектуальной культуре, в частности в лице Р. Шатобриана, которого, как уже отмечалось в историографии, де Голль ставил особенно высоко и на которого опирался в подходе к ряду фундаментальных вопросов [Noel; Huguéaux].

Уместно вспомнить здесь и о созвучных мотивах в русской философской мысли, например, у А.С. Хомякова и других славянофилов. Но особенно выразительно писал на

эту тему Иван Ильин: «Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада. Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли». И вместе с тем «истинное духовное достижение всегда национально и в то же время всегда выходит за национальные подразделения людей, а потому и уводит самих людей за эти пределы...» Интернационализм, отрицающий национальное начало, предсказывал Ильин, «даст не культурный подъем и расцвет, а всеснижение и всесмещение» (ему он противопоставлял «сверхнационализм», не отрицающий родину, — идеал «всечеловеческого братства»)¹.

Не коррелируют ли все эти рассуждения с современными тенденциями в искусстве и образовании? И случайно ли параллельно с продвижением постнациональной идеологии высокая культура вытесняется ее симулякрами, а передача золотого культурного фонда цивилизации следующим поколениям впервые оказывается под вопросом либо даже прямо отвергается?

Подъем освободительных движений в колониях еще больше уверил де Голля в значимости национально-государственных форм. В том числе поэтому, пусть не сразу и позже прагматичных британцев, но одним из первых во французской элите, он признал неотвратимость деколонизации. «С того момента, как у наций проснулось самосознание, никакая иностранная власть, какие бы средства она ни употребляла, не может рассчитывать на установление своего господства, — предостерегал он Джона Кеннеди от повторения во Вьетнаме ошибок Четвертой республики (и своих собственных в 1944–1946 гг.) — ...Я предсказываю вам, что вы, шаг за шагом, попадете там в бездонную политическую и военную топь...» [Голль Мемуары надежд, с. 450]. Предсказание сбылось, причем американцы покинули Сайгон в 1975 г., точно в срок, спрогнозированный французским президентом за несколько лет до этого.

Вклад де Голля в международное признание права колониальных народов на самостоятельное развитие принес ему невиданный авторитет в «третьем мире». Симптоматично, что именно с этим ассоциирует деголлевский образ и современный оксфордский историк маврикийского происхождения С. Хазаресингх, автор книг о Бонапарте и де Голле: «Наполеон символизирует военную славу и культ равенства, тогда как Генерал воплощает право народов на самоопределение и презрение к деньгам» [Hecht]. В свою очередь, де Голль мастерски использовал набранный таким образом политический капитал для максимального сохранения позиций Франции в ее бывших колониях и обеспечения французского авторитета в странах Юга в целом.

---

1 Ильин И.А. Путь духовного обновления. М. 2017. — URL: iknigi.net/avtor-ivan-ilin/63232-put-duhovnogo-obnovleniya-ivan-ilin.html (дата обращения: 01.11.2021).

Характерно, что и в наше время французские интеллектуалы и политики, не разделяющие постнациональную философию Евросоюза, предлагают оценивать общие тенденции развития с глобального ракурса — как это делал де Голль. «Ни США, ни Китай, ни Россия, ни Бразилия, ни Индия не демонстрируют умирания наций, — неоднократно подчеркивал, например, Ж.-П. Шевенман, — ...и даже совсем маленькие национальные государства могут играть важную роль — Сингапур, Израиль, Куба... мир остается состоящим из наций, и Организация Объединенных Наций не случайно носит такое название» [Chevènement, Fourier].

Литература

- Арзаканян М.Ц. Де Голль. М. 2007.
- Голль Ш. де. Мемуары надежд. 1958–1962. М. 2000.
- Нарочницкая Е.А. Национализм: история и современность. М., 1997.
- Нарочницкая Е.А. Политическая философия Ш. де Голля — взгляд из XXI века. Международное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 188–198.
- Рубинский Ю. И. Приметы времени. В 3-х т. Т. 2: Франция: незаконченная модернизация. М. 2018.
- Уильямс Ч. Последний великий француз. Жизнь генерала де Голля: пер. с англ. М. 2003.
- Alibert-Fabre V. La pensée constitutionnelle du général de Gaulle à «l'épreuve des circonstances» // Revue française de science politique. A. 40. 1990. №5. P. 699–713.
- Bourlanges J.-L. Une certaine idée de la France // Pouvoirs. 2020. №174. P. 5–15.
- Bardy G. Charles le Catholique. Paris. 2011.
- Cazenave M. Introduction // L'idée de nation chez Charles De Gaulle. Cahiers de la Fondation Charles de Gaulle. Cahier № 7. P. 2000.
- Chevènement J.-P., Fourier P. La notion de nation est-elle obsolète ? 16.11.2009. — URL: makacla.com/la-notion-de-nation-est-elle-obsolete-par-jean-pierre-chevenement-pascale-fourier_a511.html (date of access: 05.05.2021).
- D'un président à l'autre : Mitterrand contre de Gaulle // Téléobs. 27.03.2013. — URL: teleobs.nouvelobs.com/la-selection-teleobs/20130327.OBS5663/d-un-president-a-l-autre-mitterrand-contre-de-gaulle.html (date of access: 15.06.2021).
- Ferro M. 1940–1944 : un historien engagé. Entretiens avec Marc Ferro // Herodote.net. 27.04.2021. — URL: herodote.net/Entretiens_avec_Marc_Ferro-synthese-2870.php (date of access: 05.05.2021).
- Flood Ch. Pétain and de Gaulle // France at War in the Twentieth Century: Propaganda, Myth, and Metaphor. N.Y. 2000. P. 88–110.
- Gaulle Ch. de. Discours et Messages. T. I-V. P. 1970.
- Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. En 3 volumes. T. 1 : L'appel 1940–1942. P. 1954; T. 3. Le Salut : 1944–1946. P. 1959.
- Gaulle Ch. de, Guaino H. De Gaulle au présent. Textes choisis et présentés par Guaino H. P. 2015.
- Hazareesingh S. Le mythe gaullien, Paris, 2010.
- Hecht E. De Gaulle, une figure qui rassemble // L'Express. 27.05.2010. — URL: (date of access: 05.05.2021).
- Hureauux R. L'actualité du gaullisme. Paris. 2007.

- Malraux A.* André Malraux parle de De Gaulle avec Jacqueline Baudrier. — URL: malraux.org/e1971-05-andre-malraux-andre-malraux-parle-de-de-gaulle-jacqueline-baudrier/ (date of access: 05.05.2021).
- Malraux A.* Note sur l'Islam. 03.06.1956. — URL : malraux.org/wp-content/uploads/2010/02/images_documents_islam_1956.pdf (date of access: 05.05.2021).
- Noel L.* De Gaulle et Chateaubriand : Rapprochements // Rev. de deux mondes. 1971. Avril. P. 120–135.
- Passerieux R.* Charles de Gaulle, la nation et la souveraineté : leçons pour nos jours / Dossier « Bonjour de Gaulle, bonjour ! » // Revue polit. et parlementaire. 2020. N. 1094–1095. Janv. — Juin. P. 249–254.
- Petitfils J.-Ch.* Le gaullisme. P. 1988.
- Peyrefitte A.* C'était de Gaulle. T. 1. 1994 ; T. 3. 2000.
- Roussel E.* De Gaulle et Barrès // Gaullisme et gaullistes dans la France de l'Est sous la IVe République / Sous la dir. de Audigier F. et Schwindt F. Rennes. 2009. P. 73–77.
- Schoenbrun D.* Les trois vies de Charles de Gaulle, P., 1965.
- Touchard J.* Le gaullisme, 1940–1969. P. 1978.